

УДК 343.3.7

*М.А. Ефремова, А.А. ШUTOва, А.А. Никифорова***НОВЕЛЛЫ УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ**

Актуальность избранной темы вызвана изменениями в действующем российском уголовном законодательстве в связи с распространением новой коронавирусной инфекции. На основе конкретных примеров подтверждается то, что в различных субъектах Российской Федерации складывается разнообразная практика применения уголовно-правовых норм и это приводит к отсутствию единообразного применения закона. Кроме этого, авторами изучаются криминологические риски внедрения системы иммунных паспортов. Предметом исследования выступили нормы действующего отечественного законодательства, мнения ученых, а также материалы судебно-следственной практики, отражающие специфику применения закона в сфере защиты граждан от угрозы распространения инфекционных заболеваний. Цель исследования заключается в разработке научно обоснованных положений по совершенствованию действующего законодательства и правоприменения, направленных на противодействие посягательствам в сфере санитарно-эпидемиологического благополучия населения. Проводится подробный критический анализ составов преступлений в сфере санитарно-эпидемиологического благополучия населения, исследуются важнейшие для правоприменения вопросы, в том числе связанные с разграничением со смежными составами преступлений и правонарушений. Основные выводы, к которым пришли авторы, и заключения содержат рекомендации по совершенствованию законодательства в данной области и практики его применения. Самостоятельность сделанных выводов подтверждается и всесторонним подходом к изучению новых норм действующего административного и уголовного законодательства, а также материалов судебно-следственной практики.

Ключевые слова: уголовное законодательство, иммунные паспорта, санитарно-эпидемиологическое благополучие населения, преступления против здоровья населения.

DOI: 10.35634/2412-9593-2020-30-4-541-553

Распространение новой коронавирусной инфекции (COVID-19), которая обрела характер мировой пандемии, обусловило изменение всех сфер жизнедеятельности граждан. И в свете проблем, возникших в связи с ухудшением ситуации в мире, органы государственной власти Российской Федерации стали вводить ряд законодательных, экономических, политических и иных мер в целях противодействия распространению вируса. Уже сейчас, в период перехода к «послаблениям» можно дать оценку некоторым из них. А учитывая тот фактор, что существует риск всплеска второй волны эпидемии, есть основания полагать, что антикоронавирусные нормы будут востребованы еще долгое время.

Наиболее существенные изменения в новых условиях претерпело уголовное и административное законодательство. Так, в условиях пандемии были приняты законодательные акты, направленные на совершенствование мер юридической ответственности за нарушение законодательства в области санитарно-эпидемиологического благополучия населения: Федеральный закон от 1 апреля 2020 г. № 100-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статьи 31 и 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации»¹, Федеральный закон от 1 апреля 2020 г. № 99-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях»² и ряд других нормативных правовых актов. В новой редакции теперь представлены ст. 6.3 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях³ (далее – КоАП РФ) и ст. 236 Уголовного кодекса Российской Федерации⁴ (далее – УК РФ), предусматривающие ответственность за нарушение санитарно-эпидемиологических правил. В связи с необходимостью совершенствования действующего законодательства в период распространения новой коронавирусной инфекции в ст. 236 УК РФ были внесены изменения, направленные на защиту здоровья населения.

¹ Федеральный закон от 1 апреля 2020 г. № 100-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статьи 31 и 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Российская газета. 2020. 3 апр.

² Федеральный закон от 1 апреля 2020 г. № 99-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» // Российская газета. 2020. 3 апр.

³ Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ // Российская газета. 2001. 31 дек.

⁴ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

Судебно-следственная практика начала складываться путем массовых случаев привлечения граждан как к уголовной, так и к административной ответственности. В свою очередь федеральные и региональные органы, а также должностные лица призвали граждан без признаков инфекции «оставаться дома», а заболевших и потенциальных вирусоносителей незамедлительно обращаться за медицинской помощью и соблюдать режим изоляции. Министерство здравоохранения Российской Федерации разместило информацию о том, что соблюдение режима обязательной изоляции отслеживается с помощью видеонаблюдения, а его нарушение влечет ответственность по ст. 236 УК РФ.

Что примечательно, в отдельных регионах были возбуждены многочисленные уголовные дела по ст. 236 УК РФ в отношении лиц, которые нарушили режим самоизоляции. К примеру, в *Карелии в отношении 36-летней жительницы, нарушившей режим самоизоляции, возбуждено уголовное дело по ч. 3 ст. 30, ч. 1 ст. 236 УК РФ. Женщина контактировала с зараженным коронавирусом и должна была находиться в обсервации, но уже через несколько дней отправилась в поездку на самолете и на поезде*⁵.

Рассмотрим иную ситуацию с аналогичным процессуальным решением. *Северо-Западное следственное управление на транспорте СК России возбудило уголовные дела в отношении женщины и мужчины, которые нарушили режим самоизоляции. Они контактировали с лицами, у которых ранее была выявлена коронавирусная инфекция. Дела были возбуждены по ч. 3 ст. 30, ч. 1 ст. 236 УК РФ*⁶.

Хотелось бы остановиться на проблеме, возникшей в связи с многочисленными уголовными делами по ст. 236 УК РФ в отношении лиц, которые нарушили режим самоизоляции. Нами было обращено внимание на тот факт, что граждане в целом не понимают, что следует понимать под *соблюдением режима изоляции и какая категория населения его должна соблюдать*. Полагаем, что подобное непонимание среди граждан связано с тем, что в нормативных правовых актах не содержится определение понятия «самоизоляция» или «изоляция». Именно поэтому у граждан возникают правомерные вопросы по поводу оснований для их задержания и привлечения к мерам ответственности за нарушение подобного режима.

Как показало исследование и изучение всего массива антикоронавирусных нормативных правовых актов, понятие «изоляция» содержится в Постановлениях Главного государственного санитарного врача Российской Федерации от 18 марта 2020 г. № 7 «Об обеспечении режима изоляции в целях предотвращения распространения COVID-2019»⁷, от 30 марта 2020 г. № 9 «О дополнительных мерах по недопущению распространения COVID-2019»⁸, в которых говорится о необходимости соблюдения *режима изоляции*. Из текста данного акта следует, что режим продолжительностью до 14 дней распространяется на граждан, вернувшихся на территорию государства, которым следует выполнять изоляцию в домашних условиях или в условиях обсерватора. Соответственно, изоляция как специфический режим самосохранения и безопасности других граждан характерен для специфического круга субъектов.

В свою очередь в Распоряжении Главы Удмуртской Республики от 18 марта 2020 г. № 42-РГ «О введении режима повышенной готовности и об отдельных мерах по снижению риска распространения новой коронавирусной инфекции (2019-nCoV) на территории Удмуртской Республики»⁹ категории «режим изоляции» и «режим самоизоляции» рассматриваются как тождественные. Однако подобный режим распространяется как на специальную категорию граждан (граждан, прибывших на территорию

⁵ См.: В Карелии возбудили уголовное дело против нарушившей самоизоляцию. URL: https://m.dp.ru/a/2020/04/02/V_Karelii_vozbudili_ugolo (дата обращения: 29.06.2020).

⁶ См.: Северо-Западным следственным управлением на транспорте СК России возбуждены уголовные дела в отношении женщины и мужчины, подозреваемых в покушении на нарушение санитарно-эпидемиологических правил. URL: <https://szsut.sledcom.ru/news/item/1452950/> (дата обращения: 29.06.2020).

⁷ Постановление Главного государственного санитарного врача Российской Федерации от 18 марта 2020 г. № 7 «Об обеспечении режима изоляции в целях предотвращения распространения COVID-2019» // СПС «Консультант Плюс».

⁸ Постановление Главного государственного санитарного врача Российской Федерации от 30 марта 2020 г. № 9 «О дополнительных мерах по недопущению распространения COVID-2019» // СПС «КонсультантПлюс».

⁹ Распоряжении Главы Удмуртской Республики от 18 марта 2020 г. № 42-РГ «О введении режима повышенной готовности и об отдельных мерах по снижению риска распространения новой коронавирусной инфекции (2019-nCoV) на территории Удмуртской Республики». URL: <http://www.udmurt.ru/regulatory/?typeid=31183300&doccnt=25&year=2020>. (дата обращения: 29.06.2020).

Российской Федерации, а также граждан, в отношении которых приняты постановления санитарных врачей об изоляции), так и на иные категории лиц (граждан в возрасте 65 лет и старше, а также граждан, имеющих особые хронические заболевания, беременных женщин). Подобного понимания придерживаются и органы государственной власти иных субъектов Российской Федерации, к примеру, в Указе мэра Москвы от 5 марта 2020 г. № 12-УМ «О введении режима повышенной готовности»¹⁰.

Таким образом, изучив законодательство в сфере эпидемиологического благополучия граждан, можно выделить два вида режима: режим изоляции, который накладывает на граждан определенные обязанности, и режим добровольной изоляции, который относится ко всем остальным гражданам, не относящихся к так называемой группе риска. Представляется, что закрепление определения понятия «режим изоляции» для специальной категории граждан является необходимым в текстах нормативных правовых актов, так как позволит правомерно определять вопросы привлечения граждан к мерам ответственности за нарушение подобного режима.

Резюмируя вышеизложенное, предлагаем под режимом изоляции понимать комплекс ограничительных мер, вводимых Правительством Российской Федерации на определенный срок для борьбы с распространением опасного заболевания, в рамках которого гражданину необходимо соблюдать режим: для граждан, вернувшихся на территорию Российской Федерации, продолжительностью до 14 дней, и которым следует выполнять изоляцию в домашних условиях или в условиях обсерватора.

Относительно добровольной изоляции полагаем, что гражданин наделен правом выбора изолироваться или нет, поэтому принятие одного из этих решений (не изолироваться) не влечет привлечения к ответственности.

Согласно Толковому словарю русского языка Д.Н. Ушакова, «добровольный» означает «совершаемый по собственному желанию, без принуждения; необязательный»¹¹. Если гражданин не подпадает под категорию лиц, подлежащих принудительной изоляции, следовательно, он не представляет угрозы для окружающих, при этом он может поставить себя в опасное для своих жизни и здоровья состояние. Но по отечественному законодательству отсутствует ответственность за подобные действия, потому видится несколько противоречивым признание противоправным отказ лица от «добровольной самоизоляции».

Кроме того, достаточно остро вопрос о добровольности возникает в рамках внесенного на рассмотрение законопроекта Министерства юстиции Российской Федерации о внесении изменений в Кодекс об административных правонарушениях, в частности предусмотренные ответственности за отказ от вакцинации. Так, согласно ч. 4 ст. 10.1 КоАП РФ проекта, предлагается установить ответственность за «нарушение законодательства в области обеспечения санитарно-эпидемиологического благополучия населения к организации и проведению санитарно-противоэпидемических (профилактических) мероприятий, в том числе по осуществлению мер в отношении больных инфекционными заболеваниями, проведению медицинских осмотров, профилактических прививок, гигиенического воспитания и обучения граждан...»¹².

На данный момент за невыполнение противоэпидемических мероприятий ответственность предусмотрена общей нормой ст. 6.3 КоАП РФ. Согласно ст. 1 Федерального закона от 30 марта 1999 г. № 52-ФЗ «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения», санитарно-противоэпидемические (профилактические) мероприятия – это организационные, административные, инженерно-технические, медико-санитарные, ветеринарные и иные меры, направленные на устранение или уменьшение вредного воздействия на человека факторов среды обитания, предотвращение возникновения и распространения инфекционных заболеваний и массовых неинфекционных заболеваний (отравлений) и их ликвидацию.

¹⁰ Указ мэра Москвы от 5 марта 2020 г. № 12-УМ (ред. от 10.04.2020) «О введении режима повышенной готовности» (вместе с «Перечнем непродовольственных товаров первой необходимости», «Перечнем парков культуры и отдыха, музеев-заповедников, музеев-усадб, иных территорий общего пользования», «Перечнем видов деятельности организаций и индивидуальных предпринимателей», «Перечнем заболеваний, требующих соблюдения режима самоизоляции» Официальный портал мэра и Правительства Москвы. URL: <http://www.mos.ru>, 10.04.2020 (дата обращения: 29.06.2020).

¹¹ Ушаков Д.Н. Толковый словарь русского языка. URL: <http://ru.wikipedia.org/?oldid=10529869> (дата обращения: 29.06.2020).

¹² Проект Федерального закона 02/04/05-20/00102447. URL: <https://regulation.gov.ru/#> (дата обращения: 29.06.2020).

В перечень данных мероприятий, согласно ч. 1 ст. 29 данного Закона, входят мероприятия по осуществлению санитарной охраны территории РФ, введению ограничительных мероприятий (карантина), осуществлению производственного контроля, мер в отношении больных инфекционными заболеваниями, проведению медицинских осмотров, профилактических прививок, гигиенического воспитания и обучения граждан. Однако список противоэпидемических мер не является исчерпывающим, Закон допускает дополнительные противоэпидемические мероприятия. Такие мероприятия проводятся на основании предписаний должностных лиц Роспотребнадзора при выявлении нарушения санитарного законодательства, а также при угрозе возникновения и распространения инфекционных заболеваний и массовых неинфекционных заболеваний (отравлений).

Таким образом, новая норма коснется не только проведения профилактических прививок, но и всего существующего диапазона противоэпидемических мероприятий, которые перечислены выше. В связи с этим возникает вопрос: имеется ли реальная необходимость предусматривать отдельный административный состав нарушений противоэпидемических мероприятий, отделяя его от нарушений санитарных правил и гигиенических нормативов, при этом предусматривая за первые значительно более суровые санкции?

В связи с совершенствованием уголовно-правового запрета, закрепленного в ст. 236 УК РФ, следует указать, что состав преступления, который ранее признавался оконченным с момента наступления общественно опасных последствий в виде массового заболевания или отравления людей, теперь признается оконченным в момент угрозы причинения вреда правоохраняемым объектам (так называемый в уголовно-правовой доктрине состав опасности¹³), то есть окончен на этапе создания угрозы наступления таких последствий. Примечательно, что в уголовно-правовой доктрине вопрос относительно отнесения состава опасности к материальным или формальным не решен однозначно¹⁴. Стоит согласиться с мнением А.А. Тер-Акопова, что выделение такого состава вызывает обязанность у правоприменителей доказывать факт совершения деяния, а также создание этим деянием угрозы, реальной возможности наступления преступных последствий¹⁵. Подобные изменения, на наш взгляд, являются достаточно дискуссионными и требуют самостоятельного осмысления.

Нам представляется, что конструирование момента окончания состава преступления подобным образом не позволяет провести отличие от административного правонарушения, предусмотренного ст. 6.3 КоАП РФ, которые, как правило, отличаются общественной опасностью.

Интересно обратить внимание на тот факт, что уголовно наказуемое деяние, предусмотренное ч. 1 ст. 236 УК РФ, характеризуется неосторожной формой вины, что исключает возможность привлечения лиц за неоконченное преступление в связи с тем, что исходя из законодательных положений институт неоконченного состава преступления характерен лишь для умышленных общественно опасных деяний. *В связи с этим полагаем, что необходимо внести изменения в ст. 236 УК РФ, изложив ее в предыдущей редакции, декриминализовав возможность привлечения к уголовной ответственности при создании угрозы наступления таких последствий.*

Продолжая рассматривать вопросы применения нормы, закрепленной в ст. 236 УК РФ, обратим внимание на вопросы, связанные с квалификацией действий лиц, у которых имеется подозрение на наличие коронавирусной инфекции, прибывших из страны с неблагоприятной ситуацией, или у лиц, у которых такая инфекция в результате будет подтверждена, при их побеге из медицинского учреждения.

Стали наблюдаться случаи госпитализации граждан, которые больны инфекционным заболеванием или находящиеся под подозрением на наличие у них таких заболеваний, контактировавших с больными инфекционными заболеваниями, а также лиц, являющихся носителями возбудителей инфекционных болезней. В соответствии со ст. 33 Федерального закона от 30 марта 1999 г. № 52-ФЗ «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения»¹⁶ граждане в случае, если они представляют опасность для окружающих, подлежат *обязательной госпитализации* или *изоляции* в **порядке, установленном законодательством Российской Федерации**. Из представленной нормы видно, что

¹³ См.: Янина И.Ю. Составы постановления в опасность // Актуальные проблемы российского права. 2017. № 4 (77). С. 124-132.

¹⁴ См.: Александр В.К. Состав постановления в опасность в уголовном праве // Вестник экономической безопасности. 2019. № 3. С. 166-180.

¹⁵ См.: Тер-Акопов А.А. Ответственность за нарушение специальных правил поведения. М., 1995. С. 128.

¹⁶ Федеральный закон от 30 марта 1999 г. № 52-ФЗ «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения» // Российская газета. 1999. 6 апр.

обязательной госпитализации подвергаются лица, представляющие опасность для окружающих. Кроме этого, им, помимо госпитализации, предлагается альтернативная изоляция.

К примеру, *М. 7 марта 2020 г. прибыл на территорию Российской Федерации из-за рубежа. 18 марта он был госпитализирован в ГБУЗ НО «Инфекционная клиническая больница № 2», где по результатам лабораторных исследований у него подтверждено наличие коронавирусной инфекции COVID-19. Вместе с мужчиной, вернувшимся из-за границы, в одной квартире проживали жена и отец. Они отказались от госпитализации в целях медицинского осмотра и изоляции в добровольном порядке. Управление Роспотребнадзора по Нижегородской области направило в Приокский районный суд г. Нижнего Новгорода исковые заявления, которые были рассмотрены судом, и принято решение об их принудительной госпитализации.*

Согласно положениям п. 6 ч. 1 ст. 51, главные государственные санитарные врачи и их заместители наделяются полномочием вынесения мотивированного постановления о госпитализации для обследования или об изоляции больных инфекционными заболеваниями, представляющими опасность для окружающих, и лиц с подозрением на такие заболевания; проведения обязательного медицинского осмотра, госпитализации или об изоляции граждан, находившихся в контакте с больными инфекционными заболеваниями, представляющими опасность для окружающих. А граждане, соответственно, обязаны выполнять указанные требования, согласно ст. 10 указанного выше закона. Существующий правовой путь водворения покинувших стационар в настоящее время заключается в том, что главные государственные санитарные врачи и их заместители имеют право на предъявление иска в суд о нарушении гражданином законодательства в связи с неисполнением постановления о госпитализации или изоляции. Однако в данном законе говорится об «обязательной госпитализации», что воспринимается в государстве как тождественное понятию «недобровольная госпитализация», что является, по нашему мнению, дискуссионным. Как видно, порядок недобровольной (принудительной) госпитализации до конца не определен, так как отсутствует правовой механизм производства по делам о недобровольной госпитализации в организации системы здравоохранения в КАС РФ.

Согласно п. 3 ч. 1 ст. 274 КАС РФ, гражданина помещают в медицинскую организацию психиатрического профиля, оказывающую медицинскую помощь в стационарных условиях, в недобровольном порядке, если федеральным законом предусмотрен *судебный порядок* рассмотрения соответствующих требований. Поэтому принудительная госпитализация гражданина в инфекционный стационар возможна только по судебному решению.

Исходя из законодательных положений нормы права справедливыми видятся вопросы: кто же принимает решение о том, в каких условиях и в каком режиме гражданин будет проходить курс лечения: *обязательной госпитализации* или *изоляции*? Возникают случаи принудительной госпитализации несовершеннолетних детей (Кировский районный суд Екатеринбурга принял решение о принудительной госпитализации четырёхлетней девочки из-за подозрения на коронавирус¹⁷). В связи с этим возникают проблемные вопросы, связанные с ограничением права гражданина на свободное передвижение и право на добровольное оказание медицинской помощи.

В случае нарушения режима изоляции (нахождения в изоляции на протяжении предписанных 14 дней), что должно быть подтверждено, при наличии врученного постановления главного государственного санитарного врача субъекта России, при наличии отказа от добровольной госпитализации суд принимает решение о принудительной госпитализации.

Возможны и ситуации, когда граждане, которые только находятся под подозрением на наличие коронавирусной инфекции, могут самовольно покинуть медицинскую организацию. Так, *32-летняя А.И. прилетела в г. Санкт-Петербург из провинции Хайнань 31 января. 5 февраля она обратилась к врачу с жалобами на больное горло. 6 февраля девушку забрали в больницу Боткина для проверки на коронавирус, после чего оставили на двухнедельный карантин. Но из изолятора пациентка сбежала на следующий день. Главный врач больницы Боткина подал иск на девушку о ее принудительной госпитализации. В результате суд постановил удовлетворить иск главного врача больницы и принудительно вернуть А.И. на карантин минимум до 19 февраля*¹⁸.

¹⁷ См.: В Приокском районном суде г. Нижний Новгород рассмотрено административное дело о принудительном помещении под медицинское наблюдение нижегородки. URL: http://prioksky.nnov.sudrf.ru/modules.php?name=press_dep&op=1&did=831 (дата обращения: 29.06.2020).

¹⁸ См.: Суд вернул в больницу Петербурга пациентку, которая сбежала из карантина по коронавирусу. URL: <https://www.kazan.kp.ru/daily/27092/4165488/> (дата обращения: 29.06.2020).

В подобной ситуации не совсем ясно, имеется ли возможность привлечения лица к уголовной ответственности в случае, если есть подозрение о наличии у него инфекционного заболевания. Согласно новой редакции ст. 236 УК РФ, подобные действия можно квалифицировать как нарушение санитарно-эпидемиологических правил, создавшее угрозу наступления последствий в виде массового заболевания людей. При этом важно понимать, кто в данном случае является субъектом преступления. Исходя из положений ст. 236 УК РФ субъект должен быть специальным, то есть лицо, которое обязано выполнять санитарно-эпидемиологические правила. Можно ли таковым признать лицо, у которого имеется подозрение на наличие коронавирусной инфекции, прибывшее из страны с неблагоприятной эпидемиологической ситуацией, или, скорее, лицо, у которого такая инфекция в результате будет подтверждена? Вероятнее всего, в случае если у лица не будет выявлено подобного заболевания, определять его в качестве субъекта преступления не следует, так как фактически даже отказ от госпитализации или побег из медицинского учреждения не могли бы повлечь за собой последствий, предусмотренных ст. 236 УК РФ, поэтому признать их общественно опасными не представляется возможным. Следовательно, субъектом данного преступления может быть только лицо, в отношении которого будет подтверждено инфекционное заболевание, в том числе новая коронавирусная инфекция.

Рассматривая нормы действующего законодательства в области санитарно-эпидемиологических правил, мы отметили наличие возникшей конкуренции между уголовно-правовой и административно-правовой нормами, закрепленными в ст. 236 УК РФ и ст. 6.3 КоАП РФ, а также конкуренцию между федеральным и региональным законодательством, что нам представляется негативным фактором и является недопустимым в правовом государстве. В регионах нашей страны установлен различный режим относительно ношения масок и перчаток в общественных местах, в том числе и на улице. В некоторых субъектах Российской Федерации обязанности у граждан по ношению маски и перчаток нет, но необходимо использовать их в местах общего пользования, включая улицы (к примеру, такое требование содержится в Постановлении Правительства Брянской области от 8 мая 2020 г. № 182-п¹⁹). *Во-первых*, возникает много спорных моментов относительно обязанности граждан соблюдать «масочный режим», о котором говорится в текстах нормативных правовых актов, направленных на соблюдение санитарно-эпидемиологического благополучия населения. Появляется ряд вопросов, связанных с понятием «масочный режим»: о каких масках идет речь: стерильных, сварочных, лыжных, театральных? *Во-вторых*, согласно п. 2 ст. 3.18.1 Закона г. Москвы от 21 ноября 2007 г. № 45 «Кодекс города Москвы об административных правонарушениях» за невыполнение требований нормативных правовых актов г. Москвы, направленных на введение и обеспечение режима повышенной готовности на территории г. Москвы, в том числе необеспечение режима самоизоляции, назначается наказание в виде административного штрафа в размере 4 тыс. руб.

Правительство Российской Федерации наделено правом на введение обязательных правил поведения для граждан и организаций, которые они должны исполнять при введении режима повышенной готовности или чрезвычайной ситуации (подп. «а.2» п. «а» ст. 10 Федерального закона от 21 декабря 1994 г. № 68-ФЗ «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера»²⁰). Такие правила утверждены постановлением Правительства Российской Федерации от 2 апреля 2020 г. № 417, которые предусматривают обязанность граждан выполнять законные требования должностных лиц, осуществляющих мероприятия по предупреждению чрезвычайных ситуаций и др. (подп. «б» п. 3, подп. «в», «г» п. 4 Правил). Органы государственной власти субъектов Российской Федерации принимают в соответствии с федеральными законами законы и иные нормативные правовые акты в области защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуаций межмуниципального и регионального характера, обязательные для исполнения гражданами и организациями правила поведения при введении режима повышенной готовности. Также с учетом особенностей чрезвычайной ситуации на территории субъекта Российской Федерации или угрозы ее возникновения во исполнение правил поведения, установленных в соответствии с подп. «а.2» п. «а» ст. 10 названного закона, могут быть *предусмотрены дополнительные обязательные для исполнения*

¹⁹ Постановление Правительства Брянской области от 8 мая 2020 г. № 182-п «О внесении изменений в постановление Правительства Брянской области от 17 марта 2020 года № 106-п "О введении режима повышенной готовности на территории Брянской области"». URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/3200202005080004> (дата обращения: 29.06.2020).

²⁰ Федеральный закон от 21 декабря 1994 г. № 68-ФЗ «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» // Российская газета. 1994. 24 дек.

гражданами и организациями правила поведения при введении режима повышенной готовности или чрезвычайной ситуации (подп. «б» п. 6 ст. 41, пп. «а», «у», «ф» ч. 1 ст. 11 Федерального закона от 21 декабря 1994 г. № 68-ФЗ (в ред. от 1 апреля 2020 г.) «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера»). В развитие приведенных выше положений законодательства Российской Федерации в субъектах Российской Федерации приняты нормативные правовые акты о введении режима повышенной готовности.

Граждане обязаны соблюдать законы и иные нормативные правовые акты Российской Федерации и субъектов Российской Федерации в области защиты населения и территорий, выполнять установленные правила поведения при введении режима повышенной готовности или чрезвычайной ситуации (ст. 19 Федерального закона от 21 декабря 1994 г. № 68-ФЗ «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера»). Исходя из вышесказанного можно заключить, что граждане подлежат привлечению к административной ответственности по ч. 1 ст. 20.6.1 КоАП РФ за нарушения обязательных для исполнения гражданами и организациями правил поведения при введении на территории субъекта Российской Федерации режима повышенной готовности или чрезвычайной ситуации.

В связи с этим следует констатировать тот факт, что действия физического лица, выразившиеся в нарушении п.12.3 разд. 12 Указа мэра Москвы от 5 марта 2020 г. № 12-УМ «О введении режима повышенной готовности», принятого в развитие положений Федерального закона от 21 декабря 1994 г. № 68-ФЗ «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера», подлежат квалификации по ч. 1 ст. 20.6.1 КоАП РФ. Полагаем, что данное умозаключение подтверждается п. 17 «Обзора по отдельным вопросам судебной практики, связанным с применением законодательства и мер по противодействию распространению на территории Российской Федерации новой коронавирусной инфекции (COVID-19)» № 1 Верховного Суда РФ²¹. Кроме того, в п. 2 ст. 3.18.1 КоАП г. Москвы содержится указание на то, что по данной статье не могут быть квалифицированы действия, если они влекут административную ответственность в соответствии с Кодексом Российской Федерации об административных правонарушениях. На основании вышеизложенного считаем, что составленные протоколы в отношении граждан, не соблюдающих «масочный режим» в г. Москва, являются незаконными.

Особого внимания, на наш взгляд, заслуживают *перспективы по дальнейшему совершенствованию уголовного законодательства в области противодействия преступлениям в сфере санитарно-эпидемиологического благополучия населения*. Хотелось бы уточнить, что для открытия границ между государствами и международных перелетов, а также недопущения очередной волны распространения новой коронавирусной инфекции органами государственной власти многих зарубежных стран активно обсуждается *введение иммунных паспортов*. Наличие у граждан иммунных паспортов позволит им реализовывать свои права на передвижение, в том числе возможность выезжать за пределы государства, а также возвращаться на работу. С подобными предложениями выступили высшие органы власти Италии, Германии и США. В свою очередь министр здравоохранения России Михаил Мурашко также высказался о том, что реализация на территории нашего государства системы иммунных паспортов является несложной задачей и имеются все необходимые данные для ее реализации²².

Однако данную идею не поддержала Всемирная организация здравоохранения, представители которой полагают, что подобные меры являются преждевременными по той причине, что есть вероятность повторного заражения новой коронавирусной инфекцией и уже ранее переболевшего ею человека. Также с учетом вполне вероятной мутации новой коронавирусной инфекции вполне возможно, что она обретет совсем иные свойства, поэтому будет оказывать другое воздействие и повлечет новые последствия для здоровья человека.

Отметим, что подобная система иммунных паспортов введена в Чили, и мошенники уже воспользовались ситуацией и начали подделывать «карты иммунитета».

²¹ Обзор № 1 по отдельным вопросам судебной практики, связанным с применением законодательства и мер по противодействию распространению на территории Российской Федерации новой коронавирусной инфекции (COVID-19) // Официальные документы. № 18-19. 2020.

²² См.: В РФ допустили введение «паспорта иммунитета» к коронавирусу. URL: https://news.rambler.ru/community/44124397/?utm_content=news_media&utm_medium=read_more&utm_source=copylink <https://shraibikus.com/70501-568523696.html> (дата обращения: 29.06.2020).

Возникают вопросы, связанные с возможностью признания данных иммунных сертификатов/паспортов в качестве официальных документов, которые предоставляют юридические права или освобождают от обязанностей, что позволит относить их к предмету преступления, предусмотренного ст. 327 УК РФ. Подобный вопрос возникает и в связи с тем, что отечественное законодательство не содержит четкого определения официального документа, тогда как именно этот специфический предмет особенно важен для квалификации содеянного по ст. 325 и 327 УК РФ. Отнесение иммунных паспортов к официальным документам позволит привлекать граждан к юридической ответственности за подделку, сбыт и использование подложного документа и иные противоправные действия. Исходя из этого отметим, что ныне действующее уголовное законодательство не приспособлено к возникающим в стране и мире изменениям, поэтому могут появиться проблемные вопросы в процессе противодействия преступным посягательствам в исследуемой сфере. Возникает вопрос и по поводу формы данного документа – иммунного паспорта, который будет или документарным, или электронным (возможны и обе формы), которая непосредственно может повлиять на вопросы юридической ответственности за преступные действия в отношении них. В том случае, если сведения о всех гражданах, у которых имеется иммунитет к COVID-19, будут находиться в электронной базе или реестре, то при неправомерном доступе в подобную базу для копирования, удаления информации, действия лица надлежит квалифицировать по ст. 272 УК РФ. Однако здесь также возникает проблемный вопрос по поводу отнесения подобных сведений к охраняемой законом компьютерной информации, поскольку именно подобная информация и представляет предмет соответствующего преступления. Кроме этого, необходимо установить, будут ли подобные сведения представлять собой сведения о частной жизни лица, составляющие его личную тайну.

Кроме возможной подделки иммунных паспортов, их внедрение и последующее применение может привести к нарушению основополагающих конституционных принципов, на которых базируется вся правовая система России, к появлению новой формы дискриминации, а также к росту социальной напряженности. Для обладателя такого сертификата/паспорта могут быть сняты некоторые ограничения, например, на посещение общественных мест, на трудоустройство, а также иные преимущества в самых разных обстоятельствах. Возможно появление «иммунопривилегированных» и «иммунообделенных» людей, что приведет к расслоению общества, которое будет усугубляться тем, что работодатели будут стараться нанимать людей, которые уже получили данный паспорт.

Реализация подобной системы может привести к готовности граждан рисковать здоровьем для того, чтобы получить антитела. Из-за иммунных паспортов могут появиться ложные стимулы в связи с тем, что здоровые люди начнут искать возможность заболеть COVID-19, поскольку в будущем это даст им больше прав и свобод. Также люди станут получать документы нечестными способами, что также создаст риски для здоровья окружающих.

Помимо этого, сертификация иммунитета к новой коронавирусной инфекции может включать и другую персональную информацию, включая данные о психическом здоровье и генетических тестах, а указание подобных сведений откроет путь к злоупотреблениям со стороны страховых компаний, работодателей и других граждан.

Говоря о возможных перспективах внедрения системы иммунных паспортов в отечественную правовую действительность и возможных рисках, связанных с их подделкой и неправомерным использованием и сбытом, хотелось бы отметить еще одну новеллу, касающуюся системы контроля за местом нахождения и передвижения граждан. Распространение новой коронавирусной инфекции побудило ввести в ряде регионов систему **QR-кодов** (англ. Quick Response Code – код быстрого реагирования; сокр. QR code). Однако хотелось бы уточнить, что на данный момент применение кодов не регламентировано действующим федеральным законодательством, в российской правовой системе отсутствует определение и содержание такого понятия, как «QR-код». При этом в ряде регионов на местном уровне были приняты локальные нормативные правовые акты, предусматривающие обязанность граждан и юридических лиц оформлять QR-коды. Так, согласно Указу губернатора Нижегородской области от 13 марта 2020 г. № 27 «О введении режима повышенной готовности»²³, предусмотрено обязательное оформление QR-код заявки следующим лицам:

- находящимся вне места своего проживания (пребывания);
- въезжающим (прибывающим) в Нижегородскую область через установленные пункты въездного контроля.

²³ Указ губернатора Нижегородской области от 13 марта 2020 года № 27 «О введении режима повышенной готовности». URL: <https://government-nnov.ru/?id=256303> (дата обращения: 29.06.2020).

Оформление такого кода возможно тремя способами: через сайт «nnp-card.ru», через приложение «Карта жителя НО», по телефону 112. В качестве легитимных причин для того, чтобы покинуть на время место проживания предусмотрены следующие варианты: поход в магазин или аптеку; поездка на дачу или в сад; поездка к родственникам; поездка в организацию, которая работает; выгул домашнего животного; выброс мусора; прогулка около дома; занятие физкультурой.

Примечательным является то, что при оформлении данной заявки предупреждают о возможности привлечения к административной ответственности по ст. 20.6.1 КоАП РФ за указание недостоверных сведений, то есть внесение ложной информации с целью получения QR-кода является частным случаем невыполнения правил поведения при чрезвычайной ситуации или угрозе ее возникновения. Подобное положение видится весьма спорным, так как законодательно не даны разъяснения касательно ряда проблемных вопросов. Будет ли лицо подлежать ответственности, если указало с ошибкой (умышленно или по неосторожности) номер транспортного средства, на котором планирует передвигаться; указало недостоверные сведения, но при этом не воспользовалось полученным QR-кодом? Самый главный вопрос в данном случае: есть ли необходимость по данной норме доказывать вину лица или ее (нормы) действие осуществляется через объективное вменение?

Одним из примеров объективного вменения следует признать работу на основании информации, полученной из приложения «Социальный мониторинг». Обязанность пользоваться данным приложением установлена п. 12.4 Указа мэра Москвы от 5 марта 2020 г. № 12-УМ «О введении режима повышенной готовности»²⁴, который накладывает на граждан обязанность использования технических устройств и (или) программного обеспечения («Социальный мониторинг») в порядке, установленном Департаментом информационных технологий г. Москвы. Согласно Распоряжению департамента информационных технологий Москвы от 29 апреля 2020 г. № 64-16-186/20 «Об утверждении Порядка применения технологии электронного мониторинга местоположения гражданина в определенной геолокации с использованием мобильного приложения «Социальный мониторинг»», были установлены следующие нарушения: зафиксированное местоположение гражданина за пределами более 50 м от установленного места изоляции гражданина, с которым была установлена взаимосвязь в мобильном приложении «Социальный мониторинг», невыполнение гражданином в установленный срок обязательного фотографирования лица гражданина и др. Важно, что граждан привлекают к ответственности не за несоблюдение режима повышенной готовности, а за нарушение правил использования приложения. Нарушить правила можно и находясь дома, например, не отправив свое фото в мобильном приложении «Социальный мониторинг» вовремя после уведомления. Согласно п. 2.6 указанного нормативного правового акта, гражданин обязан подтверждать соблюдение режима изоляции путем фотографирования своего лица на фронтальную камеру технического устройства с использованием сервисов мобильного приложения «Социальный мониторинг». Полагаем, что подобное деяние не содержит в себе хоть какой-то общественной вредности.

Поэтому привлечение к ответственности профессора РУДН Ирины Карабулатовой, которая после перенесенной в прошлом году операции не имеет возможности самостоятельно передвигаться, считаем незаконным. *В мае 2020 г. девушка почувствовала, что простыла. Как и положено в период пандемии, она вызвала врачей. Пациентам с ОРВИ, также, как и болеющим коронавирусом в легкой форме, предписано находиться две недели в квартире и не выходить. Карабулатова подписала специальное предписание по данному факту, несмотря на то что по определенным причинам в любом случае не смогла бы самостоятельно покинуть пределы места проживания. Через определенное время ею был получен штраф «за нарушение режима самоизоляции». Оказалось, что это штраф за отсутствие у нее приложения «Социальный мониторинг». «Социальный мониторинг» – приложение для Android и iOS, которое обязаны загружать на телефоны все, кто получил предписание о домашнем карантине. Действует оно так: приложение в любой момент может прислать требование сделать селфи. Вместе со снимком передаются геоданные (местонахождение) абонента. Если лицо не ответило в течение нескольких минут после сигнала, это засчитывается за нарушение режима. А у Ирины Карабулатовой приложения «Социальный мониторинг» вообще не оказалось»²⁵.*

²⁴ Указ мэра Москвы от 5 марта 2020 г. №12-УМ «О введении режима повышенной готовности». URL: <http://www.mos.ru>, 05.03.2020, в «Вестнике мэра и Правительства Москвы», март 2020 г., # 14 (дата выхода номера в свет 10.03.2020)

²⁵ См.: Комсомольская правда. URL: <https://www.nnov.kp.ru/daily/27131.5/4218983/> (дата обращения: 29.06.2020).

Очевидно, что имеет место «конфликт прав»: права на здоровье (ст. 41 Конституции Российской Федерации²⁶), с одной стороны, и права на свободу передвижения (ст. 27 Конституции Российской Федерации) – с другой. Статья 55 Конституции Российской Федерации закрепляет принцип о том, что права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства. Следовательно, Основной закон РФ предусматривает возможность ограничения прав граждан на свободу передвижения в целях защиты здоровья на основании федерального закона.

В соответствии со ст. 8 Закона РФ от 25 июня 1993 г. № 5242-1 «О праве граждан Российской Федерации на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства в пределах Российской Федерации»²⁷, право граждан на свободу передвижения может быть ограничено не только на территориях, где введено чрезвычайное положение, но и на отдельных территориях и в населенных пунктах, где в случае опасности распространения инфекционных и массовых неинфекционных заболеваний и отравлений людей введены особые условия и режимы проживания населения и хозяйственной деятельности. Как неоднократно отмечал Конституционный Суд РФ, «право гражданина Российской Федерации на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства в пределах Российской Федерации не является абсолютным, поскольку в соответствии с ч. 3 ст. 55 оно может быть ограничено федеральным законом в той мере, в какой это необходимо, при этом вводимые законодателем ограничения должны обеспечивать достижение указанных целей и не быть чрезмерными»²⁸. В целях, предусмотренных ч. 3 ст. 55 Конституции Российской Федерации, федеральный закон может устанавливать и иные ограничения указанного конституционного права и условия его осуществления²⁹. Основной закон России конкретизирует это требование с указанием на то, что права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены только федеральным законом. Соответственно, положение ч. 2 ст. 1 Закона Российской Федерации от 25 июня 1993 г. №5242-1 «О праве граждан Российской Федерации на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства в пределах Российской Федерации»³⁰, согласно которому такие ограничения допускаются только на основании закона, не подлежит расширительному толкованию: в данном случае понятием «закон» охватываются исключительно федеральные законы, но не законы субъектов Российской Федерации, поскольку иначе названной норме придавался бы неконституционный смысл. В современной ситуации с ограничительными мероприятиями в субъектах России, очевидно, что ограничение права на свободу передвижения, хотя и основано на законе, но предусмотрено подзаконными актами. Ученые отмечают, что, несмотря на устойчивую практику Конституционного Суда РФ (который неоднократно признавал неконституционность положений законов и подзаконных актов ряда субъектов), все же имеет место негативная тенденция по ограничению основных прав и свобод законодательными актами субъектов³¹. На сегодняшний день имеем дело с ограничением права на свободу передвижения не только федеральным законом и законом субъекта, а федеральными подзаконными актами и подзаконными актами субъектов России.

²⁶ Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ // Российская газета. 2001. 31 дек.

²⁷ Закон РФ от 25 июня 1993 г. № 5242-1 «О праве граждан Российской Федерации на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства в пределах Российской Федерации» // Российская газета. 1993. 10 авг.

²⁸ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации по делу о проверке конституционности положений пункта 13 статьи 39 Закона Российской Федерации «Об образовании», статьи 1 Федерального закона «О сохранении статуса государственных и муниципальных образовательных учреждений и моратории на их приватизацию» и пункта 7 статьи 27 Федерального закона «О высшем и послевузовском профессиональном образовании» в связи с запросом Майнского районного суда Ульяновской области, а также жалобами граждан Е.Е. Насоновой и Н.П. Ярушиной от 24 декабря 2000 г. // Российская газета. 2000. 31 окт.

²⁹ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.) // Собрание законодательства РФ. 2014. № 31. Ст. 4398.

³⁰ Закон РФ от 25 июня 1993 г. № 5242-1 «О праве граждан Российской Федерации на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства в пределах Российской Федерации» // Российская газета. 1993. 10 авг.

³¹ Никулин М.И., Никитина А.В. Ограничение конституционных (основных) прав и свобод законами субъектов РФ: проблемы допустимости и критерии правомерности // Власть и управление на Востоке России. 2013. № 4. С. 150; Восканян Р.О., Ващенко Т.В. Финансовое обеспечение формирования инновационной инфраструктуры: анализ международной практики // Научные исследования и разработки. Экономика. 2017. Т. 5, № 3. С. 27-33.

Кроме этого, введение в действие приложения «Социальный мониторинг» представляется в определенном роде форсированным вторжением в частную жизнь граждан, составляющую их личную или семейную тайну. Злоумышленники быстро использовали подобную систему в своих корыстных целях.

*В социальных сетях, в том числе в «Телеграме», развернулась незаконная торговля пропусками в г. Москва. Граждане для того, чтобы выйти из дома, рискуют и отправляют свои паспортные данные анонимному телеграм-каналу, заплатив от 3,5 до 20 тыс. руб.*³²

Приведем другой пример. *В г. Санкт-Петербурге гражданин А. торговал разрешениями на перемещения по городу работникам своей фирмы, занимающейся деревообработкой. На самом деле никаких работников не было, фирма была, но работала не с деревом, а пекла хлеб. Пропуска хлебо-торговец отдавал по тысяче рублей за штуку. За пару дней мужчина заработал 6 тыс. руб.*³³

*В Республике Татарстан было возбуждено уголовное дело по ч. 5 ст. 327 УК РФ в отношении, гражданина, представившего справку от работодателя о том, что он является сотрудником ЧОП, которая была изготовлена на фирменном бланке и подписана руководителем. Однако выяснилось, что мужчина сотрудником этой организации не является*³⁴.

Приведенные примеры – это лишь одни из немногих фактов подделки и использования официальных документов. Статья 327 УК РФ и в докоронавирусный период являлась одной из самых работающих, однако в период действия ограничительных мер количество уголовных дел, возбужденных по данной статье, возросло.

Сложно отрицать тот факт, что после завершения пандемии личные данные, оставленные гражданами, могут передаваться из одного ведомства в другое и применяться уже совершенно для других целей, например, для оперативно-разыскной деятельности. Кроме того, нет гарантии того, что данные в программе будут достаточно защищены и не попадут в руки злоумышленников³⁵.

Подводя итог вышеизложенному, полагаемы необходимым сделать следующие выводы:

во-первых, в условиях пандемии уголовное и административное законодательство было достаточно серьезно трансформировано, в частности, в него были внесены изменения, направленные на совершенствование мер в сфере санитарно-эпидемиологического благополучия населения. Однако внесение подобных изменений следует признать несколько непоследовательным и поспешным, что привело к конкуренциям уголовно-правовых и административно-правовых норм, а также к конкуренции федерального и регионального законодательства;

во-вторых, представляется, что конструирование момента окончания состава преступления, установленного ст. 236 УК РФ, как состава опасности не позволяет провести отличие от административного правонарушения, предусмотренного ст. 6.3 КоАП РФ. Несомненно, основным критерием отличия преступлений от административных правонарушений является общественная опасность. В связи с этим полагаем, что необходимо внести изменения в ст. 236 УК РФ, изложив ее в предыдущей редакции, тем самым декриминализировав возможность привлечения к уголовной ответственности за нарушение санитарно-эпидемиологических правил, создавшее угрозу наступления последствий в виде массового заболевания или отравления людей. Подобные изменения позволят устранить отраслевую конкуренцию и сделать процесс правоприменения более эффективным;

в-третьих, составленные протоколы в отношении граждан, не соблюдающих «масочный режим» в г. Москве, являются незаконными и подлежат обязательной отмене, так как указанные действия влекут ответственность как по норме регионального административного законодательства г. Москвы, так и федерального (ч. 1 ст. 20.6.1 КоАП РФ). Однако, по нашему глубокому убеждению, подобная ситуация недопустима, так как в соответствии с п. 2 ст. 3.18.1 КоАП г. Москвы по данной статье не могут быть квалифицированы действия, если они влекут административную ответственность в соответствии с Кодексом Российской Федерации об административных правонарушениях. В связи с

³² См.: QR-код смерти: в «Телеграме» развернулась незаконная торговля пропусками по охваченной коронавирусом Москве. URL: <https://life.ru/p/1316554> (дата обращения: 29.06.2020).

³³ См.: Петербургский предприниматель торговал разрешениями на передвижение по городу. URL: <https://news.myseldon.com/ru/news/index/226979641> (дата обращения: 29.06.2020).

³⁴ В Татарстане завели уголовное дело за поддельную справку от работодателя. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4317584> (дата обращения: 29.06.2020).

³⁵ Восканян Р.О. Взаимозависимые лица как угроза экономической безопасности // Проблемы теории и практики управления. 2019. № 1. С. 24-28.

этим предлагаем декриминализировать состав административного правонарушения как противоречащий норме федерального законодательства;

в-четвертых, перспектива введения иммунных паспортов в Российской Федерации может породить ситуацию, связанную с их подделкой в целях использования или сбыта, а также хищения и иных противоправных действий. Подобный вопрос возникает и в связи с тем, что отечественное законодательство не содержит четкого определения официального документа, тогда как именно этот специфический предмет особенно важен для квалификации содеянного по ст. 325 и 327 УК РФ. Отнесение иммунных паспортов к официальным документам предоставит возможность судебным следственным органам привлекать граждан к юридической ответственности за подделку, сбыт, использование подложного документа, а также иные противоправные действия (похищение, повреждение и др.). Исходя из этого видим, что ныне действующее уголовное законодательство не приспособлено к возникающим в стране и мире изменениям, поэтому может привести к появлению проблемных вопросов в процессе противодействия преступным посягательствам в исследуемой сфере;

в-пятых, кроме возможной подделки иммунных паспортов, их внедрение и последующее применение может привести к нарушению основополагающих конституционных принципов, на которых базируется вся правовая система России, к появлению новой формы дискриминации, а также к росту социальной напряженности. Возникнут и риски, связанные с тем, что реализация подобной системы может привести к готовности граждан рисковать здоровьем для того, чтобы получить антитела. Из-за иммунных паспортов могут появиться ложные стимулы в связи с тем, что здоровые люди могут начать искать возможность заболеть COVID-19, поскольку в будущем это даст им больше прав и свобод. Также люди могут получать документы нечестными способами, что также создаст риски для здоровья окружающих. Помимо этого, сертификация иммунитета к новой коронавирусной инфекции может включать и другую персональную информацию, включая данные о психическом здоровье и генетических тестах, а указание подобных сведений откроет путь к злоупотреблениям со стороны страховых компаний, работодателей и других граждан;

в-шестых, введение в действие приложения «Социальный мониторинг» представляется в определенном роде форсированным вторжением в частную жизнь граждан, составляющую их личную или семейную тайну. В данном случае возможны различные угрозы, направленные на различные формы противоправных действий, связанных с неправомерным доступом и последующим использованием подобных сведений, которые достаточно часто используются в корыстных целях, представляя собой ценный ресурс экономического характера. В данном случае следует говорить о том, что подобные сведения являются конфиденциальными и охраняются законом, поэтому противоправные формы посягательства на них образуют самостоятельные составы преступлений, ответственность за которые закреплена различными уголовно-правовыми нормами (ст. 137, 272 УК РФ и иные).

Поступила в редакцию 30.05.2020

Шутова Альбина Александровна, кандидат юридических наук, старший научный сотрудник
отдела научных исследований
Ижевский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции
(РПА Минюста России)
426008, Россия, г. Ижевск, ул. Заречное шоссе, 23
E-mail: iji-nauka@mail.ru

Ефремова Марина Александровна, доктор юридических наук, доцент,
профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин
Казанский филиал Российского государственного университета правосудия
420088, Россия, г. Казань, ул. 2-я Азинская, 7а
E-mail: crimlaw16@gmail.com

Никифорова Алена Анатольевна, кандидат юридических наук, старший преподаватель
кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права
Нижегородская академия МВД России
603144, Россия, г. Нижний Новгород, Анкудиновское шоссе, 3
E-mail: luckyalenka@rambler.ru

M.A. Efremova, A.A. Shutova, A.A. Nikiforova

NOVELS OF CRIMINAL LEGISLATION IN THE CONDITIONS OF PANDEMIA

DOI: 10.35634/2412-9593-2020-30-4-541-553

The relevance of the chosen topic is caused by changes in the current Russian administrative and criminal legislation in connection with the spread of a new coronavirus infection. Based on specific examples, the authors confirm that, in various constituent entities of the Russian Federation, a diverse practice of the application of such norms is emerging, which leads to the lack of a uniform application of the law. The subject of the study is legislative, doctrinal, interpretative provisions, as well as judicial investigative practice, reflecting the specifics of applying the law in the field of protecting citizens from the threat of the spread of infectious diseases. The purpose of the study is to analyze legislative novels and develop scientifically sound provisions to improve existing legislation and law enforcement practices in the field of counteracting encroachments in the field of sanitary and epidemiological welfare of the population. The main research method is the dialectical-materialistic method of cognition, which allows you to objectively and comprehensively consider the problems of legal assessment of offenses in the field of ensuring the sanitary and epidemiological well-being of the population. Along with it, general scientific research methods were used: analysis, synthesis, deduction, induction, abstraction; special research methods were used: formal legal, interviewing. The work provides a detailed critical analysis of the composition of administrative offenses and crimes in the field of sanitary and epidemiological welfare of the population, explores the most important issues for law enforcement. In addition, the authors propose measures to improve legislation in this area. The criminological risks of introducing a system of immune passports are studied. The scientific novelty of the study is evidenced by the main conclusions and conclusions reached by the authors, containing recommendations for improving legislation in this area and the practice of its application. The independence of the conclusions made is confirmed by a comprehensive approach to the study of new norms of the current administrative and criminal legislation, as well as materials of judicial investigative practice.

Keywords: criminal law, immune passports, sanitary and epidemiological welfare of the population, crimes against public health.

Received 30.05.2020

Shutova A.A., Candidate of Law, Senior researcher of the research Department
Izhevsk branch of the all-Russian state University of Justice (RPA of the Ministry of justice of Russia)
Zarechnoe shosse st., 23, Izhevsk, Russia, 426008
E-mail: iji-nauka@mail.ru

Efremova M.A., Doctor of Law, Associate Professor,
Professor at Department of theory and history of state and law
Kazan branch of the All-Russian State University of Justice
2-ya Azinskaya st., 7, Kazan, Russia, 420088
E-mail: crimlaw16@gmail.com

Nikiforova A.A., Candidate of Law, Senior lecturer at Department of criminal and criminal executive law
Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of internal Affairs of Russia
Ankudinovskoe highway, 3, Nizhny Novgorod, Russia, 603144
E-mail: luckyalenka@rambler.ru